

2. Gigolaev G.E. Sovetsko-ital'yanskoe vzaimodeystvie v kontse 1950-kh godov: ekonomicheskie i kul'turnye aspekty [Soviet-Italian interaction in the late 1950s: economic and cultural aspects]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2019, vol. 68 (In Russ.). Available at: <https://roii.ru/r/1/68.3> (accessed 12.02.2024).
3. Gyunter K. Poyushchaya Rodina. Sovetskaya massovaya pesnya kak vyrazhenie arkhetaipa materi [Singing Motherland. Soviet mass song as an expression of the mother archetype]. *Voprosy literatury [Questions of literature]*, 1997, no. 4, pp. 46-61. (In Russ.).
4. Lebrekht N. *Kto ubil klassicheskuyu muzyku? Istoriya odnogo korporativnogo prestupleniya [Who Killed Classical Music? Maestros, Managers, and Corporate Politics]*. Moscow, Classics-XXI Publ., 2007. 588 p. (In Russ.).
5. Salakone A. SSSR i "neo-atlanticheskaya" Italiya v 1960-e gody [USSR and "neo-Atlantic" Italy in the 1960s]. *Ital'yanskaya Respublika v menyayushchemsya mire: sb. po mat-lam mezhdunar. nauch. konf., 14 maya 2014 goda [Italian Republic in a changing world: collection of materials from the international scientific conference, May 14, 2014]*. Moscow, 2014, pp. 110-122. (In Russ.).
6. Khrushcheva N.A. Postironiya i eyforiya: o metamoderne v akademicheskoy muzyke [Post-irony and euphoria: about metamodernity in academic music]. *Muzykal'naya akademiya [Musical Academy]*, 2019, no. 1. (In Russ.). Available at: <https://mus.academy/articles/postironiya-i-eyforiya-o-metamoderne-v-akademiches> (accessed 12.02.2024).
7. Khrushcheva N.A. Postironiya kak muzykovedcheskiy termin [Postirony as a musicological term]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta imeni A.Y. Vaganovoy [Bulletin of the Vaganova Ballet Academy]*, 2020, no. 2. pp. 172-182. (In Russ.).
8. Akhtar S. The Immigrant, the Exile, and the Experience of Nostalgia. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies?*, 1999, no. 2, pp. 123-130. (In Engl.).
9. Conversi D. Italianità imperfetta. The canzone napoletana as a national icon and its comparison with flamenco in Spain. *March 2016. Conference: Music, Italianità and the Nineteenth-Century Global Imagination*. Affiliation: University of Cambridge. (In Engl.). Available at: https://www.researchgate.net/publication/331650589_Italianita_imperfetta_The_canzone_napoletana_as_a_national_icon_and_its_comparison_with_flamenco_in_Spain (accessed 12.02.2024).
10. Vitale J.L. Exploring Canzone Napoletana and Southern Italian Migration Through Three Lenses. *California Italian Studies*, 2016. vol. 6, is. 2. (In Engl.). Available at: <https://escholarship.org/uc/item/6bc4642h> (accessed 12.02.2024).

УДК 78.08:811.1

DOI 10.31773/2078-1768-2024-69-178-186

МОРДОВСКАЯ ПЕСЕННО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИННО-УГОРСКОЙ И ЕВРАЗИЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ

Кинякина Людмила Викторовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры народной музыки института национальной культуры, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск, РФ). E-mail: kinyakinaliudmila@yandex.ru

Актуальность статьи определяется процессом поиска наиболее плодотворной теоретической модели для изучения самобытной песенно-инструментальной традиции мордовского народа. Мордовская народная музыка традиционно изучается в рамках финно-угорской языковой группы, но ряд исследователей полагает, что более продуктивно с точки зрения научного подхода исследовать традицию мордвы как часть Евразийской культуры. В связи с этим в статье рассмотрены опорные пункты каждой теоретической модели. В процессе исследования мы опирались на работы российских и зарубежных ученых, в числе которых И. И. Земцовский, Е. А. Дорохова, О. В. Радзецкая, Т. В. Чередниченко, И. М. Жордания, Д. Рачюнайте-Вичиниене. Использовались также статьи представителей национальных школ этномузыковедения – Н. Ю. Альмеевой, Н. И. Бояркина, Л. Б. Бояркиной, О. М. Герасимова, М. Г. Кондратьева, С. В. Косыревой, Г. И. Сураева-Королева. В результате установлено, что финно-угорская модель имеет ряд ограничений и не позволяет объяснить наличие общих элементов музыкального языка и мышления мордовского народа и ряда этносов, не относящихся к финно-угорской

языковой группе. Евразийская же модель, сформулированная в трудах И. И. Земцовского и развитая рядом российских ученых, позволяет провести параллели и определить взаимосвязи, которые не могут быть выявлены в рамках финно-угристики. Таким образом, в настоящее время евразийская модель является более перспективной для дальнейших исследований.

Ключевые слова: песенно-инструментальная традиция мордвы, евразийская модель, финно-угорская языковая группа, большетерцовый трихорд, бурдонно-гетерофонное многоголосие, этномузыкология.

MORDOVIAN SONG AND INSTRUMENTAL TRADITION IN THE CONTEXT OF THE FINNO-UGRIAN AND EURASIAN MODELS

Kinyakina Lyudmila Viktorovna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of Folk Music of Institute of National Culture, National Research Ogarev Mordovian State University (Saransk, Russian Federation). kinyakinaliudmila@yandex.ru

The relevance of the article is determined by the process of searching for the most fruitful theoretical model for studying the original song and instrumental tradition of the Mordovian people. Mordovian folk music is traditionally studied within the framework of the Finno-Ugric language group but a number of researchers believe that it is more productive from the point of view of a scientific approach to study the Mordovian tradition as part of Eurasian culture. In this regard, the article examines the supporting points of each theoretical model. In the process of research, we relied on the works of Russian and foreign scientists, including I.I. Zemtsovsky, E.A. Dorokhova, O.V. Radzetskaya, T.V. Cherednichenko, I.M. Zhordania, D. Raciunaite-Viciniene. Articles by representatives of national schools of ethnomusicology were also used – N.Y. Almeeva, N.I. Boyarkin, L.B. Boyarkina, O.M. Gerasimova, M.G. Kondratyeva, S.V. Kosyreva, G.I. Suraev-Korolev. As a result, it was established that the Finno-Ugric model has a number of limitations and does not allow us to explain the presence of common elements of the musical language and thinking of the Mordovian people and a number of ethnic groups that do not belong to the Finno-Ugric language group. The Eurasian model, formulated in the works of I.I. Zemtsovsky and developed by a number of Russian scientists, allows us to draw parallels and identify relationships that cannot be identified within the framework of Finno-Ugric studies. Thus, at present, the Eurasian model is more promising for further research.

Keywords: song-instrumental tradition of the Mordovians, Eurasian model, Finno-Ugric language group, major trichord, Bourdon-heterophonic polyphony, ethnomusicology.

Современные геополитические процессы характеризуются негативным влиянием на сохранность традиционных национальных культур. Искусственно стимулируемая тенденция к глобализации и нивелированию самобытных этнических традиций может в конечном итоге привести к утрате народами своих культурных корней. Поэтому изучение национальной культурной специфики, ее происхождения и развития является чрезвычайно важным в настоящее время. В данном случае велика роль этномузыкологии как интегративной дисциплины, занимающейся кросскультурными исследованиями музыкальных традиций мира и их связей с различными факторами: историческими, антропологическими, социально-экономическими, миграционными. Этно-

музыковеды не только фиксируют и сохраняют исчезающие образцы народной музыкальной культуры, но и выстраивают теоретические модели, на основе которых изучаются самобытные этнические традиции и делаются важные выводы. Исторически в этномузыкологии важную роль сыграли лингвистические модели, на основе которых объединялись и изучались этнические сообщества. К примеру, в XIX веке была выделена и позже признана мировым научным сообществом финно-угорская языковая группа, в которую входят 24 народности. «Принадлежность к единой языковой семье – наиболее изученный аспект взаимосвязей финно-угорских народов», – пишет Л. Б. Бояркина [7, с. 63], а О. М. Герасимов отмечает, что начало исследованию «родства

древних финно-угров положили именно лингвисты» [9, с. 3].

Существует гипотеза, что далеким предком народов финно-угорской ветви была существовавшая в древности этническая общность – **уральский пранарод**, который имел свой язык и культуру, а также обладал «особым комплексом антропологических признаков, выделявших его в ряду других популяций Евразии» [17, с. 11]. Несмотря на общность языков, отдельные финно-угорские народы практически не понимают друг друга. Все этнические финно-угорские группы имеют древние песенно-инструментальные традиции, каждая из которых отличается самобытными чертами, но при этом обладает некоторыми общими для этих традиций признаками. Эти признаки были выявлены в рамках этномузыковедческих исследований, которые проводились на базе финно-угорской модели.

Лингвистическая финно-угорская модель долгое время была приоритетной, и благодаря ей были сделаны важные открытия. К примеру, Е. В. Гиппиус, обладавший фундаментальными познаниями в области лингвистики, еще в 40-е годы прошлого столетия сделал выводы об аналогиях в характере и содержании удмуртской, карельской и финской песенной поэзии (см. [4]). Он изучал инструментальные наигрыши обских угров и проводил сравнительно-типологический анализ, сопоставляя их с музыкой древнеазиатских и тюркских народов. Гиппиус предложил метод «типизации структуры под воздействием общественной функции и содержания» (цит. по [4, с. 98]). Ему же принадлежит метод аналитической нотации, который был использован известным этномузыкологом Мордовии Н. И. Бояркиным в процессе теоретического и практического изучения самобытной песенной традиции мордвы.

Начиная с первой трети XX века финно-угорский и, в частности, мордовский музыкальный фольклор активно исследовался учеными из Венгрии и Финляндии, а также ряда республик бывшего Советского Союза. С распадом СССР исследовательская деятельность не прекратилась, и мощное фольклорное движение было продолжено в сотрудничестве со странами Прибалтики. Кафедра народной музыки Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева с 2014 по 2019 год

организовала шесть международных музыкально-этнографических экспедиций, в которых принимали активное участие этномузыковеды Эстонии, Литвы и Финляндии (две экспедиции «Песенные традиции финно-угорских народов» и четыре экспедиции «Музыкальный фольклор финно-угорских народов: традиции и современность»). На основании полевых записей и последующего сравнения фольклора Мордовии и Прибалтики был сделан ряд важных выводов. К примеру, Д. Рачюнайте-Вичиниене (Литва) указывает на общность ладовых образований в мордовской традиции и литовской народной музыке. Речь идет, в частности, о большетерцовом трихорде, который широко распространен у мордвы как в вокальной, так и инструментальной музыке. Трихордовые попевки характерны для погребальных и свадебных плачей, детских и колыбельных песен, свадебных корильных величаний. Аналогичная жанровая принадлежность большетерцового трихорда обнаруживается и в литовской традиции. Ссылаясь на ранее выдвигавшуюся гипотезу И. Рюйтел, Рачюнайте-Вичиниене делает вывод о том, что данное ладовое образование «восходит к общему прибалтийско-финскому периоду» [21, с. 152].

Финно-угорская модель активно используется и в настоящее время, о чем свидетельствуют исследования последних лет. Так, С. В. Косырева, суммируя различные исследования традиционных финно-угорских культур, выделяет такое общее для них специфическое явление, как взаимопроникновение вокального и инструментального начал, наличие специфического «вокального интонирования инструментального типа» [15, с. 16]. Это касается мордовского, прибалтийского, удмуртского и коми-пермяцкого фольклора, где велика роль музыкальных инструментов и инструментального исполнительства. Косырева подчеркивает, что исключительная роль инструментального исполнительства в большинстве финно-угорских традиций объясняется сакрализацией воздействия музыки на окружающий мир.

Во второй половине прошлого столетия возникает еще одна теоретическая модель, которая позволяет по-иному взглянуть на мордовский музыкальный фольклор, а также на ряд других народных культур, которые, согласно финно-угорской модели, являются далекими для мордовской традиционной культуры. Речь идет о евразийской

модели, в основе которой лежит не лингвистическая общность народов, а общие элементы их музыкального языка и мышления. Формирование этой модели происходило постепенно, в процессе накопления эмпирического материала, получаемого путем сбора фольклорной информации в различных регионах России и мира, а также ее последовательного анализа. Как отмечает О. В. Радзецкая [19], еще в первой половине XX века основоположник национальной композиторской школы Мордовии Л. П. Кирюков говорил о внутреннем сходстве музыкальной традиции мордвы и народной музыки Венгрии, Калмыкии, Татарии и Монголии. И если венгры традиционно относятся к народам финно-угорской группы, то монголы и калмыки представляют центральноазиатскую ветвь монголоидной расы, а татары принадлежат к группе тюркских народов. Рассуждая о тюркских и финно-угорских музыкальных параллелях, Л. Б. Бояркина отмечает «реликты тюркских влияний в мелодике инструментальных наигрышей части мордвы-мокши, несомненное влияние татаро-мишарской флейтовой мелодической традиции на инструментальную (частично вокальную) стилистику мордвы-каратаев, не исключено влияние гетерофонно-диатонических форм мордовского многоголосия на искусство совместного пения татар-кряшен» [5, с. 213].

Изучение областных особенностей русской традиции также позволяет обнаружить элементы сходства вокальной и инструментальной музыки некоторых областей России с песенно-инструментальными образцами мокши и эрзи. По мнению Л. Б. Бояркиной, к числу сходных элементов народной музыки Мордовии и традиций центральных и южных областей России относятся «ладовый строй и в неразрывной связи с ним – мелодические каденции, а также специфичные созвучия и функции голосовых партий» [6, с. 212]. Речь идет, в частности, об ангемионных ладовых образованиях, «квинтовом каркасе» или «квинтовой бурдонной рамке» как основе многоголосной фактуры, мелодике на базе большетерцовых и квартовых трихордов, кварто-квинтовых гармонических вертикалях. Суммируя исследования этнографов XX века (Т. М. Ананичева, И. И. Земцовский, Б. М. Соколов, М. Е. Пятницкий, Г. И. Сураев-Королев, В. М. Щуров и др.), Л. Б. Бояркина отмечает, что в русских селах, расположенных по соседству с мокшанскими и

эрзянскими, были зафиксированы песни в автохтонном для мордвы стиле двух-трехголосной полифонии. Обнаружилась и прямая аналогия русских календарных песен с мокшанско-эрзянскими образцами этого жанра. Таким образом, в ряде регионов музыкальный фольклор имеет «явные следы традиционной мордовской культуры, восходящие подчас к общим прафинно-угорским культурным традициям» [5, с. 213]. Существуют и обратные влияния, выраженные в заимствовании мордвой русского подголосочного пения и фольклорных образцов русской народной культуры. При этом речь идет о целостной системе музыкально-выразительных средств, а не об отдельных ее элементах. Бояркина приводит в пример и негативные последствия подобных процессов, когда «под влиянием заимствованных систем, типологически противоположных и поэтому несовместимых с иными этническими системами, исчезали <...> целые пласты самобытных народных традиций» [5, с. 215].

Е. А. Дорохова также пишет о музыкальных параллелях, которые обнаруживаются на разных уровнях фольклорных пластов мордовской и южнорусской традиции. Примечательно, что эти параллели зафиксированы «не в зонах прямых межэтнических контактов мордвы и русских, а на территориях, находящихся довольно далеко друг от друга» [10, с. 205]. Во избежание неверных обобщений автор статьи, как и Л. Б. Бояркина, использует для сравнительного анализа не отдельные элементы системы выразительных средств, а их комплекс, включающий ладовую форму, мелодическую композицию и фактуру многоголосия. Е. А. Дорохова предполагает, что автохтонная мокшанская традиция могла быть привнесена в некоторые регионы за счет процессов переселения, которые имели место в XVIII столетии. Данные факты, безусловно, должны исследоваться и подтверждаться посредством изучения архивных материалов, в частности, переписных книг и указов, где содержится информация о миграционных процессах. Но, к сожалению, историко-этнографические материалы никогда не фигурировали в качестве источника в теоретических музыковедческих работах и результатах полевых изысканий, где были зафиксированы факты бытования образцов с инонациональными элементами. Для построения адекватной объяснительной мо-

дели данной проблемы потребовалось бы проведение комплексного междисциплинарного исследования.

Так, постепенно накапливался материал, который выходил за рамки привычной финно-угорской модели. И если элементы общности традиционной музыки народов, населяющих территорию Российской Федерации, можно связать с процессами переселения и пограничного проживания, то сходство музыки далеких в географическом отношении народов невозможно объяснить вышеуказанными причинами. Как отмечал И. М. Жордания, языковые параметры этнических сообществ могут изменяться адстратным путем, то есть посредством перехода определенных элементов в другой язык в результате длительного территориального контакта данных сообществ. Для особенностей музыкального языка и музыкального мышления такой путь невозможен. «Именно поэтому регионы распространения родственных форм многоголосия удивительным образом совпадают с регионами распространения родственных антропологических типов» [11, с. 128]. В связи с этим интересны наблюдения и выводы, сделанные в рамках евразийской модели.

К примеру, И. И. Земцовский указывал на параллели между мордовской и рядом южнославянских традиций (болгарских, реже сербских), а также и турецких. Речь идет, в частности, о септимальном соотношении начального и финального мелодических тонов, которое не встречается в русских песнях. Вместо привычного движения тоника-тоника или квинта-тоника «здесь устойчиво возвращается септима, особенно ярко звучащая, по понятным причинам, при повторе мелострофы» [13, с. 91]. По мнению ученого, любая этническая культура обладает особым кругом близкородственных связей, которые, в свою очередь, образуют трансрегиональные комплексы, и отдельные традиции попадают сразу в несколько таких комплексов. Не отрицая возможного влияния миграционных процессов на состояние и особенности той или иной традиции, И. И. Земцовский ставит во главу угла этногеомузыкологический подход. В основе этого подхода лежит утверждение, что в фольклорных традициях все изначально множественно. К примеру, все известные типы многоголосного музицирования образуют систему «полифонии устной

традиции» [13, с. 102]. Эта система обладает набором определенных признаков и представляет собой относительно устойчивую в территориальном отношении конфигурацию, для определения которой автор вводит понятия «Евразийская Ось Полифонии (вертикальная и горизонтальная)» и «Евразийские Музыкальные Союзы». Мордовию и ее полифоническую песенную традицию исследователь относит к Вертикальной Евразийской Оси и Поволжскому Евразийскому Музыкальному Союзу. И. И. Земцовский уверен, что «мордовская музыка должна быть рассматриваема не только в финно-угорском контексте, который, с этномузыковедческой точки зрения, постулируется, по сути, априорно и <...> не на музыкальной основе, а исходя из чисто лингвистических соображений, что для этномузыкознания должно быть признано все же односторонним. Мордовская кооперация с татарской <...> традиционной музыкой очень показательна и существенна именно в евразийском аспекте» [13, с. 109].

Мнение И. И. Земцовского подтверждается исследованиями национальных школ этномузыковедения. Возьмем, к примеру, инструментальный характер некоторых приемов вокального интонирования, которые встречаются у мордвы и некоторых других финно-угорских народов. Эти приемы, упомянутые в статье С. В. Косыревой [15], обнаружены Н. Ю. Альмеевой у татар-кряшен. Хороводные песни этой этнической группы исполняются резким звуком, который подается в голову через прижатые связки. «Это не столько “открытый” звук, весьма характерный для фольклорного пения разных народов мира, сколько звук инструментального характера с сильным металлическим оттенком» [2, с. 197]. Исследователь объясняет экспрессивность тембра и нарочитую громкость звука магической обрядностью, которой пронизаны наиболее архаичные пласты фольклорного пения. Н. Ю. Альмеева изучала также этническую идентичность обрядовых песенных образцов, распространенных в Волго-Камском регионе, и сделала вывод, что у народов, проживающих на данной территории, но относящихся к различным языковым группам, бытует множество схожих мелодико-ритмических структур. Национальные школы этномузыковедения изучают эти структуры как характерные для своего этноса, но, если углубить подход к проблеме, «есть основания предположить, что мы имеем дело

с единым для названных народов стилевым пластом пентатонной поволжской зоны» [3, с. 164].

Подчеркнем, что пентатоника, которую долгое время считали определяющей для мордовского многоголосия, как и ангемитонные лады в целом, в финно-угорской модели выступала объединяющим фактором для народов, входящих в эту группу. Исследователь чувашской народной музыки М. Г. Кондратьев указывает на тот факт, что в музыкально-теоретических концепциях долгое время была распространена точка зрения на пентатонику как на свойство финно-угорских культур без упоминания рядом существующей пентатоники татар, чувашей, башкир [14, с. 41]. Аналогичная ситуация возникла и с бурдонной полифонией, которая характерна для мордвы-мокши, прибалтийских и некоторых других финно-угорских народов. В действительности бурдонное многоголосие встречается в ряде регионов Евразийского континента. Австралийско-грузинский исследователь мировых фольклорных традиций И. М. Жордания делает вывод, что многоголосные бурдонные полифонии Мордовии, Афганистана, Кавказа, которые бытуют в окружении одноголосия и унисонной гетерофонии, «являются сохранившимися островками древнеевропейского бурдонного многоголосия» [11, с. 131]. Характерно и то, что практически все евразийские многоголосные традиции связаны с бурдоном и представляют собой разные подтипы бурдонной полифонии. И. М. Жордания объясняет данный факт тем, что элементы древних архаичных культур изолированы друг от друга, расположены «островками» в труднодоступных местах [12]. Бурдонная полифония, будучи более древней формой совместного пения, исчезла на некоторых территориях по причине миграционных волн из регионов Евразии, характеризующихся монофоническими традициями. Этот же процесс привел к возникновению смешанных форм многоголосия. Исследователь предполагает также, что слияние бурдонной полифонии и монофонической традиции способствовало появлению такой смешанной формы, как «бурдонно-гетерофонное многоголосие». Бурдонная гетерофония до настоящего времени бытует у мордвы-мокши; мордва-эрзя в большей степени привержена стилю терцового втора, который считается заимствованным в русской традиции.

Возникновение евразийской модели и понятия «евразийская культура» можно рассматри-

вать как признак формирования «современной цивилизации на огромной территории Европы и Азии» [16, с. 12], а также взаимопроникновения и взаимодействия европейской и азиатской культур. Характеризуя сущность евразийской культуры, С. Ш. Аязбекова пишет о слиянии «двух генетически, типологически и территориально различных культур: европейской – с одной стороны, и азиатской – с другой» [1, с. 5]. О. В. Радзецкая считает, что «евразийские проекции в вокально-хоровой музыке Мордовии – это не только сущность ее историко-культурной динамики, но и символическая краска, формирующая этнические ментальные основы, воспитывающая привязанность к автохтонным музыкальным традициям» [19, с. 99]. В ряде статей исследователь анализирует выводы ученых о распространении определенных типов инструментов, которые были сделаны в рамках евразийской модели [18; 20]. К примеру, названия народных финно-угорских инструментов с точки зрения этой теоретической модели показывают «тесную взаимосвязь фольклорных традиций в творческом диалоге Востока и Запада» [8, с. 207]. О. В. Радзецкая подчеркивает, что народы финно-угорской (северные территории), тюркской (юго-восточные территории), а также славянской языковых групп имеют давние этнические взаимосвязи и общие элементы музыкальных традиций [18].

Таким образом, изучение музыкальной традиции Мордовии осуществляется в рамках двух теоретических моделей – финно-угорской и евразийской. Финно-угорская модель возникла в XIX веке на основе объединения ряда народов в единую группу по признаку лингвистической общности и длительное время была основополагающей для научных исследований. Со временем выявилась определенная ограниченность данной модели, так как она не могла объяснить музыкальные параллели мордовской народной традиции и традиций народов, не относящихся к финно-угорской языковой группе.

Возникновение евразийской модели позволяет расширить географию музыкальных параллелей для песенно-инструментальной традиции Мордовии и сделать новые обобщения, касающиеся таких характерных элементов, как большетерцовый трихорд, ангемитонные лады, бурдонно-гетерофонная форма многоголосия. Евразийская

модель не отменяет, а дополняет ныне существующую финно-угорскую, направляя этномузыковедов и фольклористов на поиск новых путей изучения проблемы. Эта модель определяет пер-

спективы дальнейших исследований песенно-инструментальной традиции Мордовии как неотъемлемой части культуры нашей страны и мировой культуры в целом.

Литература

1. Аязбекова С. Ш. Евразийская культура: становление и основные этапы развития // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2017. – № 1 (1). – С. 5–10.
2. Альмеева Н. Ю. Гетерофонная фактура (Опыт анализа архаического многоголосного пения татар-кряшен) // Судьбы традиционной культуры: сб. ст. и мат-лов памяти Ларисы Ивлевой. – СПб.: Дмитрий Буланин. – С. 195–219.
3. Альмеева Н. Ю. Финно-угры, тюрки: вопросы этнической идентичности фольклорных мелодий в Волго-Камском регионе // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 161–168.
4. Бояркин Н. И. Музыкальные традиции финно-угорских народов // Музыкальная академия. – 2004. – № 2. – С. 95–98.
5. Бояркина Л. Б. Инонациональный компонент в музыкальных традициях народов Поволжско-Уральского региона // Регинология. – 1997. – № 3. – С. 212–217.
6. Бояркина Л. Б. К проблеме изучения мордовского субстрата в русской музыке // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях: сб. науч. тр. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. – С. 211–228.
7. Бояркина Л. Б. Мордовская музыкальная энциклопедия. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. – 430 с.
8. Воронина Н. И., Радзецкая О. В. Истоки инструментальной музыки Мордовии как объект научных исследований // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 2. – С. 206–211.
9. Герасимов О. М. Ингрид Рюйтел и финно-угорская музыкальная фольклористика (к юбилею ученого) // Scientific heritage. – 2020. – № 53. – С. 3–6.
10. Дорохова Е. А. Мордовские параллели в южнорусском фольклоре: иллюзия очевидности // Финно-угорские традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордовского университета. – 2008. – С. 202–217.
11. Жордания И. М. Мордовские и грузинские многоголосные традиции в контексте Евразии // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордовского университета. – 2008. – С. 117–134.
12. Жордания И. М. Этномузыкология: Междисциплинарные перспективы // Искусство устной традиции. Историческая морфология: сб. ст., посвящ. 60-летию И. И. Земцовского. – СПб.: РИИ. – С. 237–248.
13. Земцовский И. И. «Мы кругом в мордвах»: Мордовский феномен в евразийской музыкальной перспективе // Финно-угорские традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордовского университета. – 2008. – С. 90–114.
14. Кондратьев М. Г. О динамике музыкально-теоретического статуса пентатоники // Музыкальная академия. – 1999. – № 4. – С. 37–46.
15. Косырева С. В. Об изучении проблемы взаимодействия вокального и инструментального начал в этнической музыке финно-угорских народов // Музыковедение. – 2020. – № 4. – С. 13–25.
16. Матис В. И Роль духовного наследия в формировании евразийской поликультуры // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2018. – № 1 (2). – С. 11–15.
17. Мокшин Н. Ф. Финно-угры в русской и мировой культуре // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 11–15.
18. Радзецкая О. В. Музыкальные проекции культурного диалога Востока и Запада в контексте Волго-Уральской цивилизации // Финно-угорский мир. – 2013. – № 1 (14). – С. 71–75.
19. Радзецкая О. В. Евразийские контексты хронотопа вокально-хоровой музыки Мордовии // Интеграция образования. – 2014. – № 2. – С. 99–104.
20. Радзецкая О. В. Евразийский ракурс в научных исследованиях народных инструментов Волго-Уральского региона // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – С. 332–334.
21. Рачюнайте-Вичинисене Д. Большетерцовый трихорд в литовской народной вокальной традиции и формы его проявления в музыке финно-угров и славян // Финно-угорские традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордовского университета. – 2008. – С. 135–157.

References

1. Ayazbekova S.Sh. Evraziyskaya kul'tura: stanovlenie i osnovnye etapy razvitiya [Eurasian culture: formation and main stages of development]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii [Culture in the Eurasian space: traditions and innovations]*, 2017, no. 1 (1), pp. 5-10. (In Russ.).
2. Almeeva N.Y. Geterofonnaya faktura (Opyt analiza arkhaischeskogo mnogogolosnogo peniya tatar-kryashen) [Heterophonic texture (An experience in the analysis of archaic polyphonic singing of the Kryashen Tatars)]. *Sud'by traditsionnoy kul'tury: sb. statey i materialov pamyati Larisy Ivlevoy [Fates of traditional culture. Sat. articles and materials in memory of Larisa Ivleva]*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., pp. 195-219. (In Russ.).
3. Almeeva N.Y. Finno-ugry, tyurki: voprosy etnicheskoy identichnosti fol'klornykh melodiy v Volgo-Kamskom regione [Finno-Ugric peoples, Turks: issues of ethnic identity of folklore melodies in the Volga-Kama region]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric studies]*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 161-168. (In Russ.).
4. Boyarkin N.I. Muzykal'nye traditsii finno-ugorskikh narodov [Musical traditions of the Finno-Ugric peoples]. *Muzykal'naya akademiya [Musical Academy]*, 2004, no. 2, pp. 95-98. (In Russ.).
5. Boyarkina L.B. Inonatsional'nyy komponent v muzykal'nykh traditsiyakh narodov Povolzhsko-Ural'skogo regiona [Foreign national component in the musical traditions of the peoples of the Volga-Ural region]. *Regionologiya [Regionology]*, 1997, no. 3, pp. 212-217. (In Russ.).
6. Boyarkina L.B. K probleme izucheniya mordovskogo substrata v russkoy muzyke [On the problem of studying the Mordovian substrate in Russian music]. *Etnomuzykovedenie Povolzh'ya i Urala v areal'nykh issledovaniyakh: sb. nauch. tr. [Ethnomusicology of the Volga region and the Urals in areal studies. Sat. scientific tr.]*. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002, pp. 211-228. (In Russ.).
7. Boyarkina L.B. *Mordovskaya muzykal'naya entsiklopediya [Mordovian musical encyclopedia]*. Saransk, Mordov. Book Publ., 2011. 430 p. (In Russ.).
8. Voronina N.I., Radzetskaya O.V. Istoki instrumental'noy muzyki Mordovii kak ob'yekt nauchnykh issledovaniy [The origins of instrumental music of Mordovia as an object of scientific research]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 2014, vol. 16, no. 2, pp. 206-211. (In Russ.).
9. Gerasimov O.M. Ingrid Ryuytel i finno-ugorskaya muzykal'naya fol'kloristika (k yubileyu uchenogo) [Ingrid Ruitel and Finno-Ugric musical folklore (on the anniversary of the scientist)]. *Scientific heritage*, 2020, no. 53, pp. 3-6. (In Russ.).
10. Dorokhova E.A. Mordovskie paralleli v yuzhnorusskom fol'klоре: illyuziya ochevidnosti [Mordovian parallels in South Russian folklore: the illusion of obviousness]. *Finno-ugorskie traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otnosheniy: sb. nauch. tr. [Finno-Ugric traditions in the context of interethnic relations. Collection. scientific works]*. Saransk, Mordovian University Publ., 2008, pp. 202-217. (In Russ.).
11. Zhordaniya I.M. Mordovskie i gruzinskie mnogogolosnye traditsii v kontekste Evrazii [Mordovian and Georgian polyphonic traditions in the context of Eurasia]. *Finno-ugorskie muzykal'nye traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otnosheniy: sb. nauch. tr. [Finno-Ugric musical traditions in the context of interethnic relations. Collection. scientific works]*. Saransk, Mordovian University Publ., 2008, pp. 117-134. (In Russ.).
12. Zhordaniya I.M. Etnomuzykologiya: Mezhdistitsiplinarnye perspektivy [Ethnomusicology: Interdisciplinary perspectives]. *Iskusstvo ustnoy traditsii. Istoricheskaya morfologiya: sb. st., posvyashch. 60-letiyu I.I. Zemtsovskogo [The Art of Oral Tradition. Historical morphology. Collection. articles dedicated to 60th anniversary of I.I. Zemtsovsky]*. St. Petersburg, RII Publ., pp. 237-248. (In Russ.).
13. Zemtsovsky I.I. "My krugom v mordvakh": Mordovskiy fenomen v evraziyskoy muzykal'noy perspektive ["We are surrounded by Mordovians": the Mordovian phenomenon in the Eurasian musical perspective]. *Finno-ugorskie traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otnosheniy: sb. nauch. tr. [Finno-Ugric traditions in the context of interethnic relations. Collection scientific works]*. Saransk, Mordovian University Publ., 2008, pp. 90-114. (In Russ.).
14. Kondratyev M.G. O dinamike muzykal'no-teoreticheskogo statusa pentatoniki [On the dynamics of the musical-theoretical status of the pentatonic scale]. *Musical Academy*, 1999, no. 4, pp. 37-46. (In Russ.).
15. Kosyreva S.V. Ob izuchenii problemy vzaimodeystviya vokal'nogo i instrumental'nogo nachal v etnicheskoy muzyke finno-ugorskikh narodov [On the study of the problem of interaction between vocal and instrumental principles in the ethnic music of the Finno-Ugric peoples]. *Muzykovedenie [Musicology]*, 2020, no. 4, pp. 13-25. (In Russ.).

16. Matis V.I. Rol' dukhovnogo naslediya v formirovaniy evraziyskoy polikul'tury [The role of spiritual heritage in the formation of Eurasian polyculture]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii [Culture in the Eurasian space: traditions and innovations]*, 2018, no. 1 (2), pp. 11-15. (In Russ.).
17. Mokshin N.F. Finno-ugry v russkoy i mirovoy kul'ture [Finno-Ugric peoples in Russian and world culture]. *Sotsial'no-politicheskie nauki [Socio-political sciences]*, 2012, no. 3, pp. 11-15. (In Russ.).
18. Radzetskaya O.V. Muzykal'nye proektsii kul'turnogo dialoga Vostoka i Zapada v kontekste Volgo-Ural'skoy tsivilizatsii [Musical projections of the cultural dialogue between East and West in the context of the Volga-Ural civilization]. *Finno-ugorskiy mir [Finno-Ugric world]*, 2013, no. 1 (14), pp. 71-75. (In Russ.).
19. Radzetskaya O.V. Evraziyskie konteksty khronotopa vokal'no-khorovoy muzyki Mordovii [Eurasian contexts of the chronotope of vocal and choral music of Mordovia]. *Integratsiya obrazovaniya [Integration of Education]*, 2014, no. 2, pp. 99-104. (In Russ.).
20. Radzetskaya O.V. Evraziyskiy rakurs v nauchnykh issledovaniyakh narodnykh instrumentov Volgo-Ural'skogo regiona [Eurasian perspective in scientific research of folk instruments of the Volga-Ural region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2014, no. 1, pp. 332-334. (In Russ.).
21. Rachyunayte-Vichiniene D. Bol'shetertsovyy trikhord v litovskoy narodnoy vokal'noy traditsii i formy ego proyavleniya v muzyke finno-ugrov i slavyan [Bolshoi trichord in the Lithuanian folk vocal tradition and forms of its manifestation in the music of the Finno-Ugric and Slavs]. *Finno-ugorskie traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otноsheniy: sb. nauch. tr. [Finno-Ugric traditions in the context of interethnic relations. Collection. scientific works]*. Saransk, Mordovian University Publ., 2008, pp. 135-157. (In Russ.).

УДК 398.89

DOI 10.31773/2078-1768-2024-69-186-191

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВЫСОТНОЙ И МЕЛОДИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНДЫЛЬЩИН

Яковлева Александра Сергеевна, аспирант, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: aleksandrayakovleva2020@mail.ru

Настоящая статья посвящена напевам фольклорного жанра андыльщина. Жанр был сформирован в среде русских старожилов Колымского края и затем заимствован соседней русско-старожильческой группой – русскоустынской. По своим характеристикам андыльщины относятся к сфере песенной лирики, однако не имеют близкого сходства с другими известными жанрами. Являясь уникальным объектом русского песенного фольклора, андыльщина представляет большой интерес для исследования. В связи с этим несомненна актуальность данной статьи. Настоящая работа нацелена на изучение напевов андыльщин с точки зрения устройства звукорядов и мелодики. Для этого был проведен анализ двенадцати образцов, записанных во второй половине XX века. Одна половина анализируемых напевов принадлежит колымской группе, другая половина – русскоустынской. В ходе исследования применялись структурно-типологический метод, сравнительный метод, а также методы анализа, разработанные С. П. Галицкой. В результате выявились следующие основные особенности напевов жанра андыльщины: широкий диапазон, большое количество ступеней в звукоряде, наличие большого числа терцовых расстояний в звукорядах и мелодии напевов. Обнаружено, что мелодический рельеф напева является общим для всех образцов. Этот рельеф состоит из трех циклов движения и воплощается в полном или сокращенном виде. Определено, что общий мелодический рельеф в андыльщинах имеет разные виды интонационной реализации. Так, эта реализация может быть одинаковой (в политекстовых напевах), иметь некоторые общие мелодические фрагменты, а также быть индивидуальной. Выдвинуты две гипотезы: о равнозначности секундовых и терцовых расстояний в напевах андыльщин; о влиянии на трансформацию андыльщины в русскоустынской традиции других жанров: эпических и/или городских.

Ключевые слова: андыльщина, русские старожилы, Колыма, Русское Устье, звукоряд, мелодика.